

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

Аннотация.

Актуальность и цели. Этноконфессиональные особенности населения являются элементом социально-географической среды и влияют на формирование региональных рынков труда. Этническая принадлежность человека придает своеобразие его трудовресурсному поведению и непосредственно связана с проблемой повышения эффективности использования человеческого потенциала. Цель данной статьи заключается в анализе этнической составляющей региональных рынков труда, которые необходимо учитывать при проведении политики занятости населения в полиэтнических областях Поволжского региона.

Материалы и методы. Реализация цели исследования была достигнута посредством анализа этнических особенностей экономического менталитета различных народов. Методологический потенциал исследования основан на системном подходе, который позволил проанализировать этноконфессиональный фактор и его влияние на формирование и развитие региональных рынков труда.

Результаты. Проведенное исследование показало, что экономический менталитет является важнейшей составной частью человеческого потенциала региона и во многом определяет поведение людей на рынке труда.

Выводы. Проведенное исследование позволило установить, что в формировании региональных рынков труда четко прослеживается этническая составляющая, таким образом, при проведении политики занятости необходимо учитывать интересы и стиль поведения на рынке труда представителей разных национальностей, особенно в регионах с пестрым этническим составом населения.

Ключевые слова: этноконфессиональный фактор, трудовресурсный потенциал, региональный рынок труда.

E. L. Vdovina, N. A. Simakova, S. N. Artemova

ETHNO-RELIGIOUS CHARACTERISTICS OF THE POPULATION AS A FACTOR OF REGIONAL LABOR MARKET FORMING

Abstract.

Background. Ethno-religious characteristics of the population are part of the socio-geographical environment that to a certain extent influence the formation of regional labour markets. In addition, the ethnicity of the person makes his/her trade area behavior original; it is directly related to the problem of increasing the efficiency of human potential usage. The purpose of this article is to analyze the ethnic component of regional labor markets that must be considered when carrying out the employment policy in multiethnic Volga regions.

Materials and methods. Thereseach objectives were achieved through analyzing ethnic peculiarities of the economic mentality of different peoples. The methodological potential of the research includes systemic and comparative methods that allow

to analyze the ethno-religious factor in the formation and development of regional labour markets.

Results. The study has showed that the economic mentality is the most important part of the human potential of the region and largely determines the behavior of people in the labour market.

Conclusions. The conducted research allows to establish that the ethnic component is clearly a part of regional labour markets formation. Thus, when carrying out the employment policy one must consider the interests and behavior styles of labor market representatives of different nationalities, especially in the regions with multi-ethnic composition of the population.

Key words: ethno-confessional factor, tradearea potential, regional labor market.

Этническая принадлежность человека придает своеобразие его трудовому поведению и, возможно, непосредственно связана с проблемой повышения эффективности использования человеческого потенциала, а также является элементом социально-географической среды и в определенной степени влияет на формирование региональных рынков труда.

В комплексных географических исследованиях территории этническая принадлежность населения тесно увязывалась с бытом и хозяйственной деятельностью, но проблема взаимосвязи этнических и социально-экономических процессов находилась вне зоны внимания исследователей региональных рынков труда. Повышенный интерес к этническим вопросам, а также интеграционные процессы в самой науке привели к возникновению в настоящее время нового научного направления – этноэкономики, исследующей взаимосвязь и взаимовлияние, которое оказывают традиции, обычаи, культура, психология, идеология, религиозные воззрения различных этносов на характер производственных отношений [1].

Для нашего исследования важными являются более узкие вопросы: можно ли выделить этноконфессиональные особенности населения как одну из причин различий региональных рынков труда; можно ли сделать функционирование региональных рынков труда более эффективным, если учитывать этноконфессиональные особенности субъектов рынка труда. В этой связи, во-первых, целесообразно остановиться на этнических особенностях экономического менталитета различных народов: приоритетах в выборе сферы деятельности, мотивации трудовой деятельности, способах поиска работы, приоритетах при приеме на работу, мобильности населения, отношении к предпринимательской деятельности. Во-вторых, сложившаяся структура занятости в регионе и стране в целом также имеет этнический аспект (распределение по отраслям, уровень безработицы). В-третьих, трудовой потенциал различных народов имеет свою специфику (уровень образования, профессиональный состав).

Наибольшее количество публикаций в нашей стране посвящено экономическому менталитету русских. Доля русских среди всего населения составляет примерно 83 %, и именно их национальные черты являются особенностью экономического менталитета нашего общества.

По мнению ряда специалистов, отличительными же чертами российского менталитета, выделяющими его носителей из общечеловеческого сообщества, являются общинность и государственность (включающая в себя и

патернализм) [1, 2]. Иногда называют еще и футуризм мышления (ориентация на будущее, надежда на «божественное проведение») [2, 3], а также двойственный характер трудовой мотивации (работа «спустя рукава» на государство и с полной отдачей «на себя») [2].

Некоторые из черт, приписываемых российскому экономическому менталитету можно назвать спорными и скорее всего проявляющимися только в определенных общественно-экономических условиях, но другие черты действительно формировались веками, пережили различные исторические формации и на сегодняшний день являются «родовыми, сущностными» чертами этноса.

Механизм взаимодействия экономических интересов в России основывался на почти полном подчинении интересов отдельного человека интересу трудового коллектива (общине), а коллективного интереса – государственно-му. Последний рассматривался как господствующий, пронизывающий и определяющий все остальные экономические интересы. Взамен человек получал чувство социальной защищенности, а также причастности к «общему делу». Общинность, государственность как черты российского менталитета не были уничтожены в советский период, а наоборот, естественным образом вписались в социалистическую систему трудовых отношений.

Стремление россиян к социальной справедливости нашло выражение в характере отношений распределения и в общественных фондах потребления, патриархальная общинность – в социальном патернализме предприятий и трудовых коллективов по отношению к своим работникам, православная трудовая этика – в моральных стимулах и побуждениях к труду. Бесплатное здравоохранение и образование, гарантированные права на труд и жилище, всеобщее пользование объектами социально-культурной сферы обеспечивали включенность человека в социальную жизнь, ощущение «заботы» о себе со стороны государства, общественных организаций и крупных предприятий с их развитой системой социальных услуг [3].

Решающая роль государства в формировании основ общественной жизни, сильная централизация власти, государственный монополизм были характерны не только для России, но и для многих азиатских стран. В результате психологические черты этих народов имеют ряд общих с российским этносом черт. В процессе реформирования своей экономики и формирования развитых рыночных отношений правительственные структуры Японии, Южной Кореи и Китая не пошли по пути всеобщей либерализации хозяйственной жизни, а учли специфику азиатского способа производства. Это выразилось и в том, что в этих странах на начальном этапе рыночного реформирования государственные органы усиленно контролировали течение социально-экономических преобразований, более того, в них в отличие от России по-прежнему осуществляется планирование воспроизводственных процессов на макроуровне (государственная политика занятости, планирование состава и распределения трудовых ресурсов) [4].

Всему миру известны сильная привязанность и преданность японцев фирме, которая является для большинства пожизненным местом работы. Высокие темпы роста производительности труда в Японии во многом связывают с эффективным использованием трудоресурсного потенциала. Главная основа «японского чуда», по мнению Бок Зи Коу, заключается в том, что

сумели раскрыть человеческий потенциал японцев и правильно его использовать. Коллективизм японцев (для японца оказаться вне коллектива хуже, чем умереть), потребность в моральном поощрении (главным мотивом труда является не заработная плата, хотя и она необходима, а возможность раскрыть свой потенциал, удовлетворение, общественное признание, общественная польза) стали «факторами успеха» в борьбе страны за экономическое процветание [5].

Является ли российский экономический менталитет национальным достоянием, которое надо беречь, развивать и умело использовать или это инерционный фактор, сдерживающий развитие рыночных отношений в стране.

Возможно, для России правильнее будет использовать имеющийся человеческий потенциал со сложившимися стереотипами мышления, чем пытаться в течение десятилетия полностью изменить его. Тем более что общинный характер психологии русских вряд ли позволит в скором времени привить в российском обществе в широких масштабах свойственный развитым рыночным отношениям индивидуализм.

Индивидуализм не был характерен и для предпринимательской деятельности в Российской империи на ранних стадиях ее развития. Здесь уместно вспомнить о влиянии духовной жизни российского общества на хозяйственную деятельность.

Известный экономист и философ С. Н. Булгаков считал, что православие «имеет могучие средства для воспитания личности и выработки чувства личной ответственности и долга, столь существенных для экономической деятельности...». Слабое влияние православия на экономическую деятельность связывал с упадком православия. Для Булгакова была очевидна «особенно близкая связь русского капитализма со старообрядчеством», к которому принадлежали представители целого ряда крупных русских фирм [6].

Существует и другая точка зрения на связь традиционного православия и мотивацию труда. В частности, В. В. Керов считает: «Хотя трудолюбие считалось добродетелью, официальная Русская православная церковь видела в труде только следствие первородного греха» [7]. В то же время старообрядчество, наоборот, дало импульс предпринимательской деятельности. Условия свободного труда в общинах и особенности миграционной психологии подготовили менталитет старообрядцев к изменению трудовой этики. Предпринимательская деятельность была признана «добродетельной и душевспасительной», однако только в том случае, когда она была направлена на благо общины. Особенности менталитета старообрядцев проявились не только в организации экономической деятельности своих предприятий и распределении доходов, но и своеобразным отношением к кадровому вопросу, условиям приема на работу, организации труда на предприятии. Даже на крупных предприятиях уже в XIX в., когда старообрядцы переместили свою деятельность с окраин страны в столичные города (например, банкирские дома братьев Рябушинских в Москве и Санкт-Петербурге), работали в основном «свои». Таким образом, регулирование спроса и предложения носило клановый характер, большую роль играли внеэкономические отношения.

В России в настоящее время, кроме русских, проживают еще более 100 национальностей. Менталитет многих коренных российских этносов далек от рыночных отношений. С другой стороны, на региональные рынки

России проникают и успешно действуют представители других стран, принося с собой специфические элементы экономического поведения (в том числе на рынке труда). С одной стороны, усложняется этническая структура региональных рынков труда, с другой – этнические сегменты проявляются более четко. Можно сказать, что в настоящее время региональные рынки труда представляет собой совокупность отдельных этнических рынков труда.

С этой точки зрения интересно рассмотреть особенности организации производства предпринимателей различных этнических групп, попадающих на российские региональные рынки труда. В ситуации, когда официальный рынок рабочей силы во многих регионах Российской Федерации находится в состоянии стагнации (высокий уровень безработицы как явной, так и скрытой; высокий уровень хронической безработицы; предложение службой занятости только низкооплачиваемых рабочих мест и т.д.), ряд сегментов рынка труда успешно развивается.

Например, география трудовых миграций Пензенской области, как и большинства областей Приволжского федерального округа, достаточно обширна. Это свидетельствует о более активном функционировании второй части рынка труда – неофициальной (или полуофициальной), в которой практически не задействована формальная инфраструктура рынка рабочей силы. Можно говорить об этнических сегментах рынка труда, которые выделяются уже на этапе информирования населения о рабочих местах, а также при организации взаимодействия работника и работодателя. В этих сегментах отчетливо проявляются признаки клановой субкультуры (основным критерием при приеме на работу является не профессионализм, а принадлежность к определенному «клану», в данном случае к этнической группе).

Для большинства этнических мигрантов из стран СНГ типична работа в составе компактных мононациональных групп, имеющих свою внутреннюю структуру, иерархию и управляемость. Подобная практика встречается среди мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и других стран, активно занимающихся коммерческой деятельностью. Как правило, они приезжают большими группами, по 20–30 и более человек. В составе групп преимущественно родственники, члены одной или нескольких семей, знакомые, проживающие в одном населенном пункте либо районе, городе. Группа имеет свою внутреннюю иерархию (лидер, его помощники, рядовые исполнители) и структурирована по социальному положению (состоятельные торговцы, владеющие товаром и денежными средствами, бедняки, выполняющие функции продавцов, носильщиков, охранников и т.д.).

Как показывает анализ, основная масса этнических групп мигрантов, как из стран СНГ, так и из дальнего зарубежья, движется по выверенным маршрутам и заинтересована в их сохранении и дальнейшем развитии. Это подтверждается опосредованно характером ответов на вопросы о наличии знакомых, друзей в местах пребывания мигрантов, о сроках их пребывания. Свыше двух третей – 78,6 % респондентов из числа мигрантов имеют знакомых в местах их пребывания в России [8]. Таким образом, мононациональная группа, закрепившись на определенной территории, является своеобразной «базой роста», которая быстро увеличивает свои размеры и сферу влияния. Причем она имеет как территориальное выражение (компактное место проживания и работы), так и производственное (деятельность трудовых мигрантов

сконцентрирована в определенной сфере производства). В географическом плане можно наблюдать следующую особенность: такие «базы роста» образуются, как правило, в крупных городах, где существует больше возможностей для организации трудовой деятельности. В то же время при благоприятном развитии событий этнические группы начинают осваивать и другие, более мелкие города. В географии расселения и приложении труда представителями различных этнических групп на территории Пензенской области большую роль играет субъективный фактор. Органы власти отдельных городов и районов препятствуют проникновению на их территорию представителей некоторых этнических групп.

На сегодняшний день наблюдается формирование внешне не афишируемой, но в реальности достаточно строго соблюдаемой этнической сегментации сфер деятельности для различных этнических групп мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья в конкретных субъектах РФ. Эта сегментация, особенно для мигрантов из стран СНГ, в какой-то мере была предопределена разделением труда, существовавшим в рамках бывшего СССР между союзными республиками.

Разнообразные стратегии используются этническими группами мигрантов из стран дальнего зарубежья. Следует особо выделить позиции граждан Китая и Турции. У китайской стороны отчетливо просматриваются два основных направления. Первое – интенсивное проникновение трудовых мигрантов на местные рынки с целью реализации китайского ширпотреба. Второе направление – осторожное продвижение китайского бизнеса в экономику субъектов Российской Федерации при поддержке посольства КНР в России и тактике предварительных переговоров с местными властями и представителями бизнеса [8].

В Пензенской области, к примеру, присутствуют оба направления. Китайцы имеют свою устоявшуюся нишу на центральном рынке в Пензе. Через сеть нанятых местных продавцов они реализуют товар в других городах и районах области. В течение года в среднем их прибывает около 200 человек. Живут, в основном, на частных квартирах, недалеко от рынка, придерживаются замкнутого образа жизни. Группы организованны, мобильны, имеют строгую внутреннюю дисциплину и управляемость. Активно взаимодействуют с китайской общиной в Москве.

Несмотря на то, что китайцы и турки образуют самостоятельные, обособленные друг от друга сегменты рынка, они, хотя и в небольшой степени, решают проблему занятости в регионе. В 1990-е гг. было создано несколько предприятий, главным образом в пищевой промышленности, на которых, кроме китайцев и турок, работали наемные рабочие из местного населения. Руководство стремится по-своему заботиться о развитии внутреннего рынка труда предприятия, использует для этого различные акции, которые призваны продемонстрировать заботу работодателей о социальных проблемах своих работников. Такая система трудовых отношений хорошо вписывается в российский менталитет и разрушает стену недоверия между местными жителями и иностранными предпринимателями. Из коренных этносов области наиболее активно предпринимательской деятельностью занимается татарское население. Они создают в основном малые предприятия, связанные с сельскохозяйственной деятельностью, пищевой промышленностью или торговлей. Тип трудовых отношений также носит клановый характер.

Большинство работников региона (в основном русское население) по-прежнему предпочитают работать на крупных государственных (или в прошлом государственных) предприятиях (несмотря на высокий уровень скрытой безработицы). Причина не только в депрессивном состоянии официального рынка труда, который не в состоянии предоставить всем желающим рабочие места с заработной платой заметно выше прожиточного минимума, но возможно, в менталитете российских граждан.

В соответствии с российским менталитетом (общинность, государственность, потребность в патернализме) более эффективное использование трудового потенциала возможно в подсистеме внутренних рынков труда. Именно в условиях стабильного закрепления работника на данном предприятии (учреждении), обеспечивающие социальную защищенность работнику, систему социальных и моральных поощрений и т.д., возможно ожидать большей трудовой отдачи, роста производительности труда. Несмотря на то, что устойчивое существование предприятий в сегодняшних экономических условиях представляется маловероятным, функционирование и развитие внутренних рынков труда можно наблюдать на примере ряда предприятий сферы обслуживания, образовательных учреждений и т.д.

Таким образом, в формировании региональных рынков труда четко прослеживается этническая составляющая. При проведении политики занятости необходимо учитывать интересы и стиль поведения на рынке труда представителей разных национальностей, особенно в регионах с пестрым этническим составом населения.

Библиографический список

1. **Павлов, К. В.** Этноэкономика как новое научное направление / К. В. Павлов // Проблемы региональной экономики. – 2000. – № 5–7. – С. 20–30.
2. **Ермолаева, Н. В.** Характер и особенности социально-трудовых отношений в России / Н. В. Ермолаева // Экономические проблемы труда в России : сб. ст. / ред. О. А. Панин. – Саратов : СГТУ, 2001. – 100 с.
3. **Румянцев, М. А.** Социальные аспекты экономической реформы в России / М. А. Румянцев // Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских экономистов : сб. ст. / ред.: В. Т. Рязанов, Л. Д. Широкоград, Ли Синь, Чэнь Эньфу. – СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – 400 с.
4. **Шень Чжин.** Формирование рынка рабочей силы в КНР в период реформ на примере Шанхая / Шень Чжин // Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских экономистов : сб. ст. / ред.: В. Т. Рязанов, Л. Д. Широкоград, Ли Синь, Чэнь Эньфу. – СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – 400 с.
5. **Бок Зи Коу.** Экономика Японии. Какая она? / Бок Зи Коу. – М. : Экономика, 2002. – 350 с.
6. **Ананьич, Б. В.** Предпринимательство в России. (Религиозно-национальный аспект) / Б. В. Ананьич // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд / отв. ред. В. А. Виноградов. – М. : РОССПЭН, 2000. – 624 с.
7. **Керов, В. В.** Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства / В. В. Керов // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд / отв. ред. В. А. Виноградов. – М. : РОССПЭН, 2000. – 624 с.
8. **Пядухов, Г. А.** Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения / Г. А. Пядухов. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2003. – 123 с.

References

1. Pavlov K. V. *Problemy regional'noy ekonomiki* [Problems of regional economy]. 2000, no. 5–7, pp. 20–30.

2. Ermolaeva N. V. *Ekonomicheskie problemy truda v Rossii: sb. st.* [Economic problems of labor in Russia: collected articles]. Saratov: SGTU, 2001, 100 p.
3. Rumyantsev M. A. *Ekonomicheskie reformy v Rossii i Kitae glazami rossiyskikh i kitayskikh ekonomistov: sb. st.* [Economic reforms in Russian and China in the eyes of Russian and Chinese economists: collected articles]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2000, 400 p.
4. Shen' Chzhin. *Ekonomicheskie reformy v Rossii i Kitae glazami rossiyskikh i kitayskikh ekonomistov: sb. st.* [Economic reforms in Russian and China in the eyes of Russian and Chinese economists: collected articles]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2000, 400 p.
5. Bok Zi Kou. *Ekonomika Yaponii. Kakaya ona?* [Japanese economy. What kind of economy is it?]. Moscow: Ekonomika, 2002, 350 p.
6. Anan'ich B. V. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv.: sovremennyy vzglyad* [Economic history of Russian in XIX–XX centuries: a modern view]. Moscow: ROSSPEN, 2000, 624 p.
7. Kerov V. V. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv.: sovremennyy vzglyad* [Economic history of Russian in XIX–XX centuries: a modern view]. Moscow: ROSSPEN, 2000, 624 p.
8. Pyadukhov G. A. *Etnicheskie gruppy migrantov: tendentsii pritoka, strategii povedeniya* [Ethnic groups of migrants: inflow trends, behavioral strategies]. Penza: Izd-vo PGU, 2003, 123 p.

Вдовина Элла Леонидовна

кандидат географических наук, доцент,
кафедра географии, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: velv2015@yandex.ru

Vdovina Ella Leonidovna

Candidate of geographical sciences,
associate professor, sub-department
of geography, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Симакова Наталья Анатольевна

кандидат географических наук, доцент,
кафедра географии, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: simakovanat@mail.ru

Simakova Natalia Anatolyevna

Candidate of geographical sciences,
associate professor, sub-department
of geography, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Артемova Серафима Николаевна

кандидат географических наук, доцент,
кафедра географии, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: art-serafima@yandex.ru

Artemova Serafima Nikolaevna

Candidate of geographical sciences,
associate professor, sub-department
of geography, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 911.3

Вдовина, Э. Л.

Этноконфессиональные особенности населения как фактор формирования регионального рынка труда / Э. Л. Вдовина, Н. А. Симакова, С. Н. Артемova // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. – 2017. – № 4 (20). – С. 141–148. DOI: 10.21685/2307-9150-2017-4-12